

**ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДА СТУДЕНТОВ
НА ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Вторая половина XIX — начало XX в. — важный период как в истории России в целом, так и в развитии высшего образования, в частности. Именно тогда расширяется сеть вузов, усиливается специализация, возрастает число студентов. Нельзя сказать, чтобы среди последних преобладали будущие историки. Однако зачастую именно они в будущем играли ключевую роль в развитии страны: занимали важные государственные посты и имели вес в процессе формирования общественного сознания.

Студенты, придя в университет, попадают в новую для них среду. Их взгляд на историческое образование является свежим и неискушенным, хотя и не всегда компетентным с профессиональной точки зрения. Интересно, на мой взгляд, разобраться в том, какие факторы формировали мнение студенчества об историческом университетском образовании в рассматриваемый период.

Одним из основных факторов считаю изменение настроений студенчества. Этот процесс начался еще в 1860-х гг. Если до этого студенты «были робки, склонны к благоговению, расположены смотреть на лекции и слова профессоров как на пищу духовную и как на манну небесную» [7, с. 57], то «новые студенты, напротив того, были смелы и развязны и ... через какие-нибудь два месяца после поступления они оказывались хозяевами университета» [7, с. 57]. Одновременно с этим повышается интерес к высшему образованию: появляется множество вольнослушателей, сторонних посетителей лекций, в Петербургском университете их слушают даже женщины [1, с. 26].

Однако, как пишет современный историк Ю. В. Краснова, после принятия устава 1884 г. «основными настроениями студенчества стали апатия, скептицизм, равнодушие, отсутствие интереса к науке» [4, с. 158].

В дальнейшем ситуация складывалась противоречиво. Советский и российский историк А. И. Аврус замечает, что «положение университетов к началу XX в. было очень сложным, ибо, с одной стороны, можно отметить увеличение числа студентов, серьезную вовлеченность многих из них в занятия наукой, создание и расцвет университетских научных школ, а с другой — недовольство уставом 1884 г., университетскими порядками, давлением властей на университеты» [1, с. 36].

И хотя, как пишет российский философ и публицист Р.Р. Вахитов, научный дух в университете значительно укрепился, «рост политической актив-

ности студентов сводит все это на нет» [3, с. 102]. Данная деятельность приобретает у студентов небывалый размах: «По данным министерства внутренних дел, с всех политических преступников и практически все террористы, участвовавшие в покушениях на царя, учились в университетах» [3, с. 101]. По мнению этого исследователя, революционность студенчества «объяснялась самой спецификой российских университетов» [3, с. 103], которые готовили чиновников, а «революционер — это чиновник наоборот» [3, с. 103]. Они исповедуют различные идеалы, но при изменении общественных основ могут перевоплощаться друг друга, ведь «суть у них едина» [3, с. 103–104].

Наивысший подъем студенческих настроений можно было увидеть в годы Первой российской революции. Тогда, к примеру, в Петербурге «Белый коридор университета был полон грязи, окурков и по нему расхаживали лохматые и длинноволосые студенты в мятых фуражках и растянутых куртках» [5, с. 114]. Студентам-первокурсникам в это время казалось, что «они угодили в настоящий хаос» [6, с. 723] и обстановка стала стабилизироваться лишь после затухания революционной ситуации.

По мнению студента Санкт-Петербургского университета И. В. Егорова, студенческая среда придерживалась «более радикальных и левых взглядов, чем наши преподаватели» [5, с. 113], но все же оппозиционность профессоров ощущалась сильнее, так как у них было больше возможностей пропагандировать собственные воззрения. Ее можно считать еще одним фактором, влияющим на формирование оценки студентами исторического образования в университете. Вместе с объяснением материала возникала следующая ситуация: преподаватели подталкивали своих учеников к противодействию существующему порядку. Так, Е. В. Тарле «открыто выражал свое сочувствие рабочему движению» [5, с. 113], и напротив «профессор-черносотенец Никольский призывал к еврейским погромам в Смоленске в 1906 г.» [5, с. 107].

Близким к рассмотренным выше факторам является личность самого преподавателя. Учащиеся оценивали его внешность, ценили глубину познания, простое, товарищеское отношение [4, с. 165]. Данный вопрос следует рассмотреть в рамках отдельной работы. Отметим лишь то, что в итоге часто в сознании многих студентов впечатление от обучения в университете практически совпадало с мнением, которое у них сложилось о преподавателях.

Следует упомянуть и такой фактор, как индивидуальные особенности конкретных студентов. В целом учеба в университете требовала серьезной дисциплины и самоорганизации, что трудно давалось многим вчерашним гимназистам, не обладающим необходимой подготовкой [7, с. 31]. Получалось, что в рамках университета один студент даже к третьему курсу «не знал, за что приняться и как взяться за дело» [7, с. 41], а другой наслаждался свободой самоопределения [6, с. 724].

Получается, что среди студенчества складывались различные взгляды на их университетское историческое образование. На это влияли разнообразные факторы: личностные особенности студентов и их преподавателей, перемены в общественном настроении и сознании и т. д. Однако, несмотря на трудности, будущие историки уже тогда начинали формировать собственные концепции (например, С. Ф. Платонов) [2, с. 53], а также с теплом и ностальгией вспоминали студенческую пору (к примеру, Б. А. Романов) [6, с. 734–735].

Таким образом, невзирая на противоречивое воздействие рассматриваемых факторов, высшее историческое образование в рассматриваемый период достигало своей главной цели – готовило блестящих деятелей для дальнейшего развития науки.

Библиографический список

1. Аврус А.И. История российских университетов. М., 2001 URL: https://vk.com/doc35528094_632586200?hash=zrCixpZ4K0Y4zFjk7F1XQ3zXXZdYAQuq9I0ppnFmET4s (дата обращения: 20.09.2024)
2. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за сто двадцать пять лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948.
3. Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М., 2014.
4. Краснова Ю.В. Историческое образование в столичных университетах России в конце 70-х гг. XIX – начале XX вв.: дис. ... кандидата исторических наук. Челябинск, 2003.
5. Ленинградский университет в воспоминаниях современников / под ред. В.В. Мавродина. М., 1982. Т. 2 (1895–1917).
6. Панях В.М. Настоящая жизнь: Борис Александрович Романов – студент Петербургского университета. 1906–1911 годы. Б. м., 1996.
7. Писарев Д.И. Наша университетская историческая наука // Писарев Д.И. Соч.: в 4 т. М., 1955. Т. 2.

У.Е. Ермосова

Московский государственный университет

«Я-МУЧЕНИК» КАК САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТКАТОРЖАН (1870–1907 ГГ).

В 50–60-е годы XIX века наблюдается подъем революционного движения в России. К ссылке в каторжные работы приговариваются все больше революционеров. Личность человека, оказавшегося в ситуации заключе-